

УДК 94. "19/..."

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ТАТАР И ТАТАРСТАНА

А.Г. Галлямова, кандидат исторических наук

В 1990-е г., когда в стране в результате крушения монополии коммунистической идеологии и распада СССР разрушился жесткий каркас экономических и политических системно-структурных связей, кардинальным образом трансформировалось и смыслообразующее поле общественной жизни, произошли существенные изменения в мировоззрении социума. В новых условиях в настроении людей появилась естественная потребность найти свою идентичность, понять собственное общество на другом уровне.

Происходившая переоценка ценностей поставила в тяжелое положение российскую историческую науку в целом, а историю советского периода в особенности. Ведь рухнувшие идеологические постулаты, составлявшие, казалось, незыблемые основы мировоззрения советского общества, формировали инструментарий поднадзорной исторической науки. С открытием шлюзов гласности поток обрушившейся на официальную науку критики снес в первую очередь догматические построения истории советского периода.

В обстановке утверждавшегося политико-идеологического плюрализма со стороны нерусских народов СССР всеобщему остракизму была подвергнута марксистско-ленинская интерпретация национальной истории. Согласно однолинейному экономоцентристскому подходу к ней в советской историографии колоссальный рост индустриальных мощностей национальных регионов СССР в период социалистического строительства должен

был гарантировать столь же масштабные темпы положительной социодинамики, в том числе и культурного развития населяющих его народов. Все более утверждавшийся цивилизационный подход, признававший самоценность всех сторон социогенеза, вывел к трактовке советской истории нерусских народов как период интенсивной этнической маргинализации, когда их огромные творческие возможности как культурогенной общности были растрочены, а то и уничтожены.

В период парадигмальных изменений в методологии отечественной истории в Республике Татарстан созрела и стала реализовываться идея многотомного издания истории татарского народа. В основе его лежит концепция сохранения социокультурного своеобразия татарской цивилизации, защиты богатства культурного наследия народа, обеспечения функционирования социальных отношений между различными укладами, субкультурами, которыми на современном этапе представлены татары.

С практической точки зрения наибольшую злободневность в создании научной картины в истории татарского народа имеет советский период. Ведь, несмотря на то, что уже около двадцати лет мы живем в так называемый постсоветский период, ситуативность и динамичность социальных реалий во многом и сегодня определяется тем, что одним из объектов и субъектов их является тип, получивший довольно точное самоироничное название «гомосоветикус». Причем в XXI в., судя по уси-

лению апологетики в интерпретации советского прошлого в политической и обществоведческой сферах, его роль не только не ослабла, а даже в некотором роде укрепилась. Конечно, понятно, что после эмоционального антисоветского периода в историографии советской истории закономерно должен был наступить более спокойный взвешенный период профессионального осмысления его. Но дело в том, что наметился некий уклон не просто в сторону аргументированного спокойного анализа, а ощутимого крена в сторону оправдательной интерпретации советской истории. При этом как бы признаются многие ошибки и просчеты, допущенные государством, обществом в этот период, но их причины пытаются объяснить не внутренней логикой развития, а внешними обстоятельствами.

Безусловно, это объясняется близостью советского периода истории. Независимо от желания нынешние обществоведы вовлечены в исторический процесс перехода от так называемого совкового идеологически обусловленного менталитета к необходимости выбора новых теоретических моделей. И тут срабатывает так называемый человеческий фактор. Ученые — это ведь, прежде всего, люди. И для тех из них, чья сознательная жизнь началась в советскую эпоху, то, что вчера составляло личные пристрастия, желания, эмоции, сегодня должно быть предметом беспристрастного познания. Конечно, профессия требует от историков абстрагирования, но условия снизившегося материального и социального статуса ученого в постсоветский период как бы подпитывают ностальгию. Тем более грустить по прошлому, как известно, вообще типично для большинства людей. В конечном счете, все это мешает установлению каузального типа советской историографии, свободного от эмоциональной окраски. Срабатывает и инерционность сознания, которое даже при понимании негативных коннотаций советского периода заставляет трактовать

общественные явления в привычной сложившейся в советский период дедуктивно-номологической схеме.

Приведу в связи с этим на мой взгляд, очень показательный пример. Только что закончившийся в историческом масштабе XX в. настраивает и ученых, и широкие круги общественности на резюмирующий лад по отношению к себе. Одним из ярких подтверждений тому служила популярная в начале 2000-х г. рубрика в республиканской газете «Восточный экспресс» — «Татарский век», в которой известные в республике деятели культуры, науки называли наиболее с их точки зрения выдающихся татар XX в. Характерно, что среди них имя первого секретаря Татарского обкома КПСС (1960–1979 гг.) Ф.А. Табеева встречалось несколько раз, в то время как имена некоторых выдающихся деятелей татарской культуры прошлого века не упоминались ни разу. Для примера назову только одно имя. Это первый доктор искусствоведения не только в республике, но и в Поволжье, оставшийся долгое время единственным, Фуад Хасанович Валеев. О чем это говорит? О приоритетах в иерархии ценностей интеллигенции, выстраиваемой ими в соответствии с формационным эконоцентристским принципом. С именем Табеева связываются модернизационные инициативы властей в сфере экономики, которые в этот период осуществлялись без применения одиозных насильственных норм и форм, характерных для конца 1920-х — начала 1930-х г.

В масштабе истории страны Табеев ассоциируется с брежневским периодом. В истории Советского Союза, особенно II половины XX в., трудно найти примеры других областей и республик, где наблюдались бы столь динамичные изменения на пути перехода от традиционного к современному обществу, как в Татарстане. В сознании простого советского обывателя, взорающего с позиции сегодняшних многосложных, глубинных противоречий это было бла-

гополучное, стабильное, сытое время, нередко к нему применяют понятие «счастливая жизнь». Ностальгию вызывает ощущение не только материального достатка, но и справедливого порядка, устойчивости социальной системы, толерантности в национальных отношениях. В немалой степени люди связывают это с постоянной заботой властей о благополучии общества.

Однако такая позиция не позволяет объяснить трансдукции советских достижений в ранний постсоветский период. Почему достигнутое в послевоенное сорокалетие экономическое могущество не стало надежной основой для того, чтобы республика дорожила собственной нишей в державе, почему отсутствовала гордость сопричастности к величию Советского Союза, неотъемлемой частью которого она являлась. Откуда взялся парад суверенитетов в конце 1980-х г., в котором активно участвовал Татарстан?

Ответ на этот вопрос позволяет дать анализ исторического пути Татарстана в советскую эпоху. В этот период татарский народ после многовекового перерыва вновь обрел форму государственности: с 1920 по 1990 г. существовала Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика, преобразованная в период распада СССР в Республику Татарстан. ТАССР, представляя часть огромной коммунистической империи, отражала общие процессы социодинамики, характерные в целом для Советского Союза. На мой взгляд, факт обретения административно-политического статуса татарским народом является основополагающим для изучения его истории в прошедшем столетии, и 1920 г. в истории татар является таким же маркером, как 1445 или 1552 г. Конечно, в политической, правовой сферах государственное образование татар XX в. имело декоративный характер. Однако с учреждением Татарской автономии понятия с корнем «татар» в общественном сознании обрели легитимное звучание, татарская на-

ция обрела атрибуты государственной власти: конституцию, символы в виде флага, гимн, герб, законодательные и исполнительные органы.

Конечно, если проблематизировать историю татар в логике регионального подхода и рассматривать ее как органическую часть советской социалистической системы на территории России, то ключевой вехой в этом случае является революционный 1917 г., когда Россия испытала самый мощный в XX в. стресс, тотально изменивший ее макросоциальную организацию. Иными словами, при региональном подходе определяющим является то, что ТАССР представляла собой часть российского пространства, и во многом имела то же направление, содержание, динамику трансформации. Безусловно, в таком случае Татарстан предстает как категория общероссийской микроистории, и представляет интерес в первую очередь как советская модель модернизации национального региона.

Но исходя из концепции сохранения и возрождения культурного разнообразия страны, бережного отношения к ее исторически сложившемуся цивилизационному богатству, необходимо признать важное культурно-эстетическое значение создания всемирной истории одного из самых многочисленных народов России — татар, в которой не все сюжеты и вехи могут соотноситься и вписываться в каркас истории Российского государства. Смещение ключевой вехи в изложении истории татар XX в. с 1917 по 1920 г. является важным шагом по преодолению принятого в советской историографии рассмотрения национально-демократического движения как одного из составляющих классово-борьбы. Изучение этого движения как самодостаточной системы, развивающейся по своей внутренней логике, сообразующейся с социодинамикой и культурогенезом татарского народа, позволит отойти от идеологизированной в советский период трактовки объективных и субъективных причин

революции. Национальное движение татар не изменило логики своего развития после 25 октября 1917 г., оно продолжало проходить в русле борьбы за национальное самоопределение. После распада монархической империи татарский народ находился все еще в ситуации исторического выбора, который начался с правовой трансформации государственной системы. В 1905–1917 гг. степень зрелости татарского народа как нации достигла своего апогея. Проекты государственного устройства России с определением в нем места татар, выработанные в среде национальных интеллектуалов, венчали путь, пройденный народом на этапе модернизации Российской империи. С 1920 г., когда его идеи национального движения в сильно усеченном виде реализовались в провозглашении ТАССР, парадигма татарского движения меняется кардинальным образом.

Кроме политической составляющей, являющейся главным фактором национальной истории, смысл которой сводится к самоидентификации этнического сообщества, необходимо учитывать и экономический фактор. До октябрьского переворота динамика татарского общества определялась формированием и развитием капиталистической модернизации. Политика большевиков привела к тектоническим подвижкам в макросоциальной организации страны. Имея в виду кардинальные перемены в социально-экономической системе, обусловленные большевистским переворотом, вполне логично, считать 1917 г. «более главным», чем 1920 г. Но такой подход предполагает упрощенное объяснение победы большевиков как одномоментного «священного» акта с выстрелом Авроры, после которого Советская власть начала свое триумфальное шествие. А это было не так, большевикам еще предстояло победить в гражданской войне, чтобы уничтожить либо присвоить огромный потенциал, наработанный в период капиталистической модернизации.

С появлением в 1920 г. Татарской автономии происходили мощные процессы разбазаривания культурных ресурсов татарской нации. До этой даты в ней формировались различные политические течения, между ними образовывались различные альянсы, но все это происходило в рамках единого национально-освободительного движения. С момента образования ТАССР в татарской нации, оказавшейся разделенной принципиально разными общественными системами, произошел социокультурный раскол. Он настолько очевиден, что вряд ли возможна универсальная рубрикация в изложении истории татарского народа в 1920–1980-е гг. В этот период в нем можно выделить четыре параллели, внутри которых можно выстроить единую сюжетную линию:

1. Татары ТАССР.

2. Татары Поволжья и Приуралья за пределами ТАССР, до 1920 г., представлявшие единый естественно сложившийся на протяжении столетий этнический ареал с татарами татарской автономии, разделенный произвольными административными границами в 1920 г.

3. Татарские диаспоры на территории СССР, образованные в основном бурными процессами индустриализации и освоения новых земель в советский период.

4. Татары дальнего зарубежья.

Конечно, ретроспективный анализ выделенных групп будет иметь много сходного, причем возможны различные комбинации совпадений при решении конкретных задач. Что касается первых трех групп, то все они существовали в рамках одной коммунистической системы в тоталитарном государстве, поэтому изложение их истории имеет много сходных этапов. Вместе с тем, есть и ряд существенных отличий между ними. Скажем, только история татар ТАССР требует инвентаризации историографии, созданной в советский период, поскольку тогда разрабатывалась

национальная история татар только в региональном плане, ограниченном рамками Татарской автономии.

Первую и вторую группу татар роднит то, что они жили на исторической родине, поэтому интересно проанализировать, насколько статус титульной нации в ТАССР способствовал самоидентификации татар в республике, оставались ли они более «татаристыми» по сравнению с татарами Поволжья и Приуралья, за пределами республики. Третью и четвертую группу татар объединяет то обстоятельство, что им пришлось в рассматриваемый период осваивать чужое пространство. В этом смысле любопытно провести сравнительный анализ процессов ассимиляции татар в СССР с русскими и зарубежными татарами с титульной нацией страны их проживания, уровня их этнической самоидентификации, приверженности родной культуре и т.п.

Что касается истории татар в рамках автономии, то актуальность серьезного исследования, прежде всего, определяется необходимостью преодоления созданной в советской историографии концепции победной поступи татарского народа вместе с другими народами СССР на пути к коммунизму. Все комплексные труды по советской истории Татарстана повторяли ретроспективную пунктуацию обобщающих трудов по аналогичному периоду истории России. Они были подчинены необходимости следовать идеологическим императивам, призванным прославлять военные победы и экономическую, главным образом, индустриальную мощь державы, а также ее «благотворное» влияние на социальное развитие страны и имели революционноцентричный характер.

Конечно, говоря о своеобразии советской историографии, хотелось бы еще раз обратить внимание на фактор «автобиографичности». Как уже отмечалось, даже по прошествии 20 лет после советской эпохи, ее современникам проблематично полностью абстрагироваться от своего прошлого и смотреть на

него как бы со стороны. В еще большей мере это относится к работам историков, которые создавались по ходу событий, явлений, носивших по своей сути незавершенный характер. И все-таки главная особенность советского периода заключалась в монологичном государственно-охранительном характере советского обществоведения. Поэтому, признавая фактографическое значение трудов исследователей советского Татарстана, работавших в рамках господства коммунистической идеологии, необходимо отметить общепризнанную сегодня позицию, что они не могли воссоздать адекватную ретроспекцию советского общества.

В литературе, издававшейся за рубежом, история Советского Татарстана нашла более адекватное отражение без прикрас и идеологических штампов. В книге А. Беннигсен «Мусульмане советской империи» говорилось об условиях языковой ассимиляции, религиозной ситуации среди мусульман. Обстоятельный труд по истории ТАССР был написан Т. Давлетшиным «Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики». Книга, опубликованная в 1974 г. в Лондоне стала, по признанию научной общественности, своего рода бестселлером.

Первый этап историографии советского общества заканчивается где-то во второй половине 1980-х гг., ближе к их концу. Тогда с ослаблением официозных постулатов на гребне антикоммунистической волны советская история стала оцениваться с точностью до «наоборот». В силу звучавшей в адрес советского периода критики новый этап в советской историографии вполне можно назвать антисоветским. Советский Союз был вмиг низведен с вершины общественного прогресса на обочину цивилизации и превращен чуть ли не в планетарную клоаку. Однако крутой переход с наезженной колеи привычных теоретических воззрений в период перестройки не означал принципиальных концептуальных изменений в изложении истории.

Их можно расценивать лишь как эффект маятника, движущегося в заданном направлении и качнувшегося в обратную сторону. Отход от комплиментарного стиля на негативную тональность означал лишь следование новым идеологическим установкам КПСС, выступившей на своем XXVII съезде с непривычно острой критикой по многим вопросам теории и практики строительства социализма в СССР.

В обстановке плюрализма и гласности в соответствии с новыми установками началась и инвентаризация арсенала исторической науки, причем в ее «инспектора» подалась огромная армия непрофессионалов, с энтузиазмом взявшихся поучить уму-разуму «идеологических подпевал» официоза. В ход пошли излюбленные методы навешивания ярлыков и шельмования конвенциональных позиций обществоведов. Рефлективные действия последних были обращены, главным образом, на анализ причин неудач, механизма торможения, застойных явлений в развитии советского общества. Переход от апологетической тональности советского периода историографии к патологоцентристской в ранний постсоветский период сопровождался появлением огромного количества новых фактов, создавших состояние некой перегруженности и расстроенности ассоциативного ряда в исторической науке. Ценные своей фактографией, не позволительной в советское время, но без типологизации рассматриваемых процессов работы раннего постсоветского периода страдали отсутствием концепции, что снижало их научную ценность. По мере того, как эмоционально-аффективная связь с советской эпохой стала ослабевать, актуализировался неподвзятый подход к ее изучению и упорядочению новых знаний, преодолевающий сенсационно-революционную тональность, и определенную эпатажность в восприятии советского периода.

Поиски собственного алгоритма истории актуализировались в Татарстане

и в связи с борьбой за суверенитет. Как подметил тогдашний первый секретарь Татарского обкома КПСС Р. Идиатуллин: «Какую бы область общественной жизни мы ни взяли — будь то экономика, политика, социальная сфера, право, экология, демография, культура, язык, история — убеждаемся в том, что все они тесно связаны с отношениями межнациональными»¹.

Тон изучению советской истории на новом этапе во многом задавали политики своими публикациями в периодической печати: Шаймиев М.Ш. Восстановить историческую справедливость // Суверенитет. — 1991. — № 1; Хаким Р.С. Татарии — статус союзной республики // Вечерняя Казань. — 1989. — 2 февраля, Сабиров М. Г. Процесс национально-государственного возрождения Татарстана необратим // Суверенитет. 1991. — № 1 и целый ряд других. В них с непривычной откровенностью говорилось о негативных сторонах истории республики в советский период.

Нередко в публикациях раннего постсоветского времени, иногда называемого временем историографического экстремизма, советский период представлял как большевистский геноцид. Назовем, к примеру, З. Хакима. Диагноз: Хроническая несвобода: (о судьбе татарского народа.) // Идель. — 1996. — № 1–2, его же. Не родившаяся песня (Проблемы национальных эстрадных песен) // Идель. — 1989. — № 4. Это лишь капля из огромного потока статей революционаристской тональности, выплеснувшихся на страницы республиканских средств массовой информации. Непримируемость к недавнему прошлому проявлялась не только в печатном слове. В этот период все полюбили историю, но разлюбили историков, занимавшихся советским периодом. В связи с этим можно вспомнить примеры демонстративного ухода из зала некоторых участников конференций во время выступлений на них Мухарямова М. К., долгое время воз-

главлявшего Институт истории, языка и литературы Казанского филиала Академии наук СССР, пожалуй, самого видного историка Татарстана по советскому периоду, внесшего немалый вклад в развитие советской науки в суровых идеологических условиях.

По мере того, как первые страсти улеглись, менялась тональность гуманитарных исследований, но по-прежнему основное внимание в них было сконцентрировано на национальной проблематике. Обществоведы Татарстана сумели убедительно показать, что в истории нерусских народов советский период являлся временем интенсивной этнической маргинализации, когда огромные творческие возможности их как культуросообразной общности были уничтожены. Особое внимание общественности, на мой взгляд, привлекали труды И.Р. Тагирова, Б.Ф. Султанбекова, Д.М. Исхакова, Р.М. Мухаметшина, И.Л. Измайлова, Р.Ф. Мухаметдинова².

Среди публикаций не местных исследователей хотелось бы отметить статью А. Судьина «Республика Татарстан в государственной структуре России» // Этнический национализм и государственное строительство» (М., 2001); Жан-Робера Равио «Татарстан в центре создания федеральной структуры России: инвенция суверенитета-союза» // Ислам в татарском мире: история и современность (Панорама-форум. 1997. № 12). В упомянутых статьях изложены аргументированные и вполне точные характеристики советского периода.

Не останавливаясь на подробном обзоре исторических трудов по советской истории, выражу только одно замечание относительно степени освещенности проблем истории советского Татарстана. На сегодняшний день в уже созданных трудах, несмотря на их важную роль в освобождении многих ее сюжетов от идеологической химеры, чувствуется тенденция смазывания советского периода и восстановления прямой связи между досоветской и постсоветской историей. Освободив-

шись от губительных рамок единственно разрешенной марксистско-ленинской концептуализации, историки в первую очередь обратили свои взоры на поворотные точки и кульминационные события в истории татарского народа и Татарстана. События, связанные с принятием Декларации о суверенитете, и следующие за ним, несмотря на их чрезвычайную близость, не обделены вниманием исследователей. Точно также как не обойдено вниманием и первое двадцатилетие XX в., богатое экстремальными событиями.

Что же касается 1940–1980-х гг. в истории татар и республики, на мой взгляд, этот период отличается самым скудным вниманием исследователей. Даже в таком обстоятельном труде, каковым являются «Очерки по истории Татарстана и татарского народа XX в.» самого признанного в республике историка по советскому периоду И.Р. Тагирова, которые, не успев выйти (1999 г.), стали библиографической редкостью, послевоенные десятилетия освещены весьма скупо. Такое положение указывает на кризисное состояние историографии этого периода. Оно обусловлено, с одной стороны, недоверием к позитивистскому изображению эпохи, в результате которого, за какую проблему не возьмись, любая нуждается в переосмыслении; с другой стороны, отсутствием глубокого научного интереса к комплексной разработке истории рассматриваемого периода, как к времени влотекущей эволюции, не дающей колоритных сюжетов для исторических трудов.

А между тем именно в этот период, лишенный яркой событийной канвы, процессы социальной трансформации имели наиболее сущностный характер. Нельзя не согласиться с А.С. Сенявским, который пишет: «Главное, что произошло в России в XX в., это не революции и войны, не многократные смены политических институтов и социально-экономических систем. Всего этого теоретически, могло и не быть.

Основной вектор развития страны оставался бы все тем же при любом общественном устройстве и конкретном ходе событий: им был и остается переход России от традиционного сельского к городскому обществу — магистральный процесс новой и новейшей российской истории. Он является составной частью более широкого модернизационного процесса»³.

В мировой науке с середины прошлого века для изучения исторического движения от аграрного общества к индустриальному успешно применялась теория модернизации, понимаемой как комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых субпроцессов в экономике, политике, духовной сфере. Мне представляется, что интенсивные социальные процессы в Татарской АССР целесообразно рассмотреть в контексте советской модели модернизации. При эгалитарном отношении ко всем компонентам советской ретроспективы татарского народа придется признать, что несмотря на огромные обретения в период распада традиционной культуры под флагом строительства социализма в СССР, Татарская АССР не стала этноэкологической нишей, основным ресурсом сохранения и развития национального языка и культуры, жизнеспособности этноса. Собственно, одним из поводов создания широкомасштабного труда по истории татар явилось осознание поражения советской модели по сравнению с другими моделями организации общества. Фактически своеобразие комбинаций всех сторон трансформации татарского народа при переходе от традиционного состояния к современному обществу позволит обозначить основные тенденции исторического пути Татарстана в логике распада советской социалистической системы.

На мой взгляд, как процесс советской модернизации общества корректно рассматривать лишь послевоенное сорокалетие. Довоенное двадцатилетие лишь с большой натяжкой можно назвать временем модернизации. Это

был период экстремальных решений и действий, чрезвычайщины, в широком смысле — гражданская война. Трансформация общества в период, когда происходил слом прежней модели модернизации, носила во многом деструктивный характер. Начавшись с Октябрьской революции, продолжившись на фронтах войны с противостоянием красной и белой армий, этот слом затем осуществлялся через репрессии в отношении тех слоев населения, которые потенциально могли служить социальной базой для реставрации старого строя, и насильственное использование их для построения нового строя.

Возможность для восстановления прежнего режима в первые десятилетия была весьма велика. Об этом свидетельствуют целые острова прежней социальной модели, по которым не успела проехать тоталитарная машина, и существовавшие как бы параллельно предписываемым императивам. Татары, к примеру, сохраняли свой язык, несмотря на то, что дважды потеряли свою письменность. Сильна была и их конфессиональная и этническая ориентация в традиционной культуре.

Вместе с тем, 1920—1930-е гг. можно назвать мартирологическим или виктимным периодом, т.к. в это время были уничтожены целые слои дореволюционного общества, причем те, на которых в основном держится культура, да и экономика социума. В Татарстане с образованием новой империи с благозвучным названием Союз Советских Социалистических Республик начинается разгром национального движения, который продолжался вплоть до конца 1930-х г. Вместе с тем форсированная модернизация в обществе с массовой низкой культурой требовала наличия генерирующего слоя стандартизированной культуры. Поэтому в 1920—1930-х гг. придавалось большое значение развитию высокой культуры, которая в свою очередь черпала энергию не из новой официальной идеологии, а из духовной сокровищницы своего народа. В массовой культуре этническому компоненту тоже придава-

лось определенное значение, необходимое для использования людей в форсированной индустриализации.

В завершение первого периода советской истории произошла Вторая мировая война, частью которой была Великая Отечественная война. В этом вселенском испытании Советский Союз не только выстоял, но и победил, тем самым, обретя репутацию жизнеспособной системы. Начиная со второй половины XX в. можно говорить, что советская система обрела необратимый характер. Для республики в культурном отношении он явился периодом фронтальной детатаризации, носившей насильственный (не всегда явный) характер, в результате которого естественный ход развития татарского народа как культурогенной общности был прерван, деформирован, хотя внутренние потенции его не были исчерпаны.

Конечно, нельзя не признать, что несмотря на потери народов в этническом аспекте, имелись определенные достижения с точки зрения социо-, морфо-, формогенеза культуры. Неуклонно повышалась доля лиц с высшим образованием среди всех народов. В качестве позитивной динамики можно так же привести такие аргументы, как всеобщая все более полная (с точки зрения времени обучения в качестве обязательного) грамотность населения. Убедительным свидетельством позитивных

изменений служит статистика увеличивавшегося количества школ, библиотек и других объектов социально-культурной сферы. Нельзя также отрицать расширение старых и появление новых социально-профессиональных групп с увеличивавшимся интеллектуальным статусом. Но все эти показатели положительной динамики свидетельствовали лишь о том, что государственная система заботилась о формировании исполнительской культуры с целью «начинить» человека необходимыми для «строительства социализма» знаниями. На это была нацелена и политика формирования «новой исторической общности», приводившей к нивелировке общества, элементаризации культуры, снижению полифонии в социокультурной динамике народов СССР. Однако национальное движение конца 1980-х г. показывает, что несмотря на чудовищные жесточайшие репрессии первых десятилетий советской власти и идеологические фантомы послевоенного периода, направленные на искажение реальных стремлений народа, его этническое самосознание переплавить не удалось. Советский опыт показывает, что игнорирование этнического фактора в развитии конкретного социума ведет к накоплению в нем разрушительного потенциала, который ослабляет макросоциальную организацию, частью которой является.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Идиатуллин Р. К* Гармонии интересов. – Советская Татария, 1989. 2 июля.

² См., например, *Измайлов И.* «Не дано марксистской оценки Золотой Орде» // Гасырлар авазы. Эхо веков. – 1996. – № 3, 4; *Исхаков Д. М.* Начальный этап национального возрождения татар во второй половине 1980-х гг.: факторы становления // Независимость. – 1993. – № 3; его же. Роль интеллигенции в формировании и современном функционировании национального самосознания татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан». Вып.2. / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова – Казань, 1994; *Исхаков Д. М.* Современный национализм татар // Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее / Институт истории АН РТ. – Казань, 1997; *Тагиров И. Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). – Казань: Таткнигоиздат, 1999; *Мухаметдинов Р. Ф.* Идеино-политические течения в постсоветском Татарстане (1991–2006 гг.) – Казань, 2007; *Султанбеков Б. Ф.* Татарстан. XX век. Личности. События. Документы. – Казань: ТаРИХ, 2003;

³ *Сеняевский А. С.* Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных переходов. // Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений / Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: «Академкнига», 2000. – С. 101.

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы периодизации, историографии, методологических подходов к изучению советской эпохи в истории татар. Автор считает, что трансформацию татарского народа при переходе от традиционного состояния к современному обществу целесообразно рассмотреть в контексте советской модели модернизации, которая позволяет обозначить основные тенденции исторического пути Татарстана в логике распада социалистической системы.

Ключевые слова: татарский народ, Татарстан, советский период, теория модернизации, нерусские регионы в XX в., периодизация, историография, методология изучения советского периода.

Summary

The article is about the problems of periodization, historiography, methodological approach to studying the Soviet period in the history of the Tatars. The authors supposes that it is expedient to consider the transformation of Tatar people from traditional state to modern society in the context of Soviet model of modernization. It allows emphasizing the main tendencies of Tatarstan history in the logic of collapse of socialistic system.